

«Дело такое по засухе было, да в стародавние времена. По тем годам еще многие в храм Божий ходили и молиться умели, не то что ноня.

Напала засуха окаянная на простой люд крестьянский, истомила землю благородную, испепелила терпение мужицкое.

Вот раз народ из церкви пошел и на площади остановился, заспорил. Сначала-то начали старики – мужики крепкие, с бородами окладистыми. Мол-де: «Что по нашей волюшке Бог нам не дает, аще просим? Вот и молиться ходим, и все службы выстаиваем по строгости, по правде? Почему же, – мол, – в засухе живем, и урожай гибнет, и почто нам такое наказание? За какие грехи?»

Разделились. Одни ладят: «Нам по молитве положено! Пусть, де, справедливости ради Бог дождь пошлет». Другие противуречат: «Куда там! Всех грехов не перечить, не исповедать. За грехи, – мол, – засуха; за грехи – скорбь!» Разругались. Дело до драки дошло. Еще бы прямо спичку чиркни – и пожар! Вот только одного дедушку не слушали, который ростом был мал да все одною рукою

за сердце держался, а другую за прясло. Шептал все старый, шептал православным про «волюшку», но никто не слушал.

Шумели мужики, шумели. Да чтоб, значитца, без драки пошло – порешили собороваться. И, мол-де, тогда опосля, когда от грехов очистимся, тогда и скорбь отнимется, засуха проклятая перестанет быть.

На другой неделе – церковь битком. Позади всех дедушка протискивается да все про волюшку речь заводит. Но не слушают мужики. Кого за рубаху ни потянет – отворачиваются. Стали собороваться – честь по чести батюшка отслужил – помазал спорщиков по совести. Кабы то масло все собрать, что на таинство потратили, так одному крестьянину не снести.

Помазался и дедушка. Из церкви расходились: те, что «положено за молитву», выжидательно идут, а те, что «за грехи – засуха», блаженно, но с опаской. Позади всех старичок тащится, ножками шаркает, за сердце держится, про волюшку бормочет... Разошлись по жару по домам, и дома словно надулись. Выжидают мужики да блаженствуют впереди дара Божиего.

Прождали день, промаялись два, посохли и на третий.

А к концу недели недовольство бабахнуло! Те сельчане, что «за справедливое» стояли, орут: «Забыл про нас Бог!»

А которые в себе грехи видели, пересохшие глотки дерут: «Как же так?! Ведь очистились, а дождя не имем?!»

Засуха проклятая! Исушила ты ум людской, и не понимает истины народ в похотях сердца своего; иссушила ты глаза крестьянские, и не видит ими правды мужик; иссушила ты душу и плоть, и не узрят Бога крещеные.

Пуще разволновались сельские. Ярость волнами по толпе переливается, бесам того и надо. Начали демоны простачков подзадоривать. Мол: «Идите, церковь разорите, священника побейте». Мужики такие мысли за свои приняли да вперед с колами на храм Господень...

При таком безумии народном вот уже рассудительно увидеть скорую гибель поселянскую, как вдруг, в тот самый аккурат, когда на церковь с дубьем двинулись, услышали позади дюже странные слова старичка незаметного: «Эта чавой-та тама за верёвка у поли болтаеца?..»

Осадили. Оглянулись. Носы вытерли. Глаза протерли. Дубины с плеч скинули.

На самом деле! Не сойти с этого места! Как есть, верёвка с облака свесилась да над пахотой болтается. Бабы «охнули!» Мужики «ухнули!» Потянулся в поле народ. Сначала полшажками, потом шагом, а потом вдарились бежать кто скоррише.

Вдарились к верёвке той в посохше поле.

Бегут – земли под босыми ногами не чуют. Все молчат, толь-

ко жар выдыхают да пот с лица рукавом успевают вытирают. Прибежали и встали как вкопанные. Верёвка с облака на морды свисает... Молчали, молчали... Смотрели, смотрели... Вдруг бабы как заголосят! Аж детей испугали. (Те в плач). Мужики на баб: «Цыц!» Жены языки прикусили, только что попискивают и еще детям рты зажимают, чтоб не плакали или, того хуже, не смеялись.

Заходили вокруг верёвки, морды запрокинули. Глазами хитрят: мол, нас не проведешь... Подвох ищут. Были и такие, что удивление свое верёвке не выказали, хотя удивление то и сильно было. А спрятали восхищение внутрь старательно, а наружу одну холодность показали и еще рукой махнули, дескать: «Знаем! На войне и не такое бывало».

Смотрели, ходили, «ухали», а толку не прибавилось. Что с верёвкой делать? И кто виноват, что она с облаков свесилась?! Что за беспорядок такой, и где выход? Думали-думали... Бороды чесали, чесали... На баб злились-злились,... Пот вытирали-вытирали... Ругались-ругались... Нет выхода! К верёвке подойти, дернуть – боятся. И оставлять без решенья – негоже.

Вот старшина деревенский, который раненья на войнах имел, встал под верёвкой и закомандовал:

«Покидать диковину без просмотра дюжа не можно, потому как какая польза, али какой вред от нея селу собирается, не ведаем. Предлагаю до поры до времени часового у верёвки поставить, чтобы глядел за порядком и диковинку берег».

Мужики спорить не стали. А бабы свое противление по первости никогда не выказывают. Посему запылили все по хатам, кто как себе знает. Шел и старичок и всё

бормotal: «Ах, кабы по волюшке! Ой-да! по волюшке...»

И вот начали сельчане нести вахту у верёвки. И со временем уж понавыкли так в поле ходить да столбом подле льняной стоять, что уже позабывать принялись, на что караулить, а то и в недоум, зачем и какая выгода от караула того преобретается честному народу?

Был и батюшка. Водосвятный молебен отслужил и окропил святой водой верёвку ту и тех, кто на молитву пришел. И, уходя, сказал о верёвке, что неспроста та жила с неба свесилась и что как есть всё сие самое правдивое попущение Божие.

Народ, кто веру твёрдую имел, стоять возле жилы отказался.

И вот однажды, когда сын старосты села нёс отцовское послушание возле чуда, произошло ещё более удивительное происшествие...

Ночью задремал сынишка в помыслах горделивых о дожде и, стоя на полынной духоте, вдруг, став падать, не думая, схватился за верёвку... Повис... и опомнился!

Взорвалось сердце в груди мальчонки да так сильно заколотилось, что, наверно, в селе слышно было, как оно к горлу подпрыгнуло и забилося. В мгновение отрок от сна явился. «Что будет?! Ой, беда! Ведь за верёвку дёрнул! Попадёт от отца! Мужики, бабы, пропадать!» Хотел бежать! Остановился. Назад к верёвке!

Остановился. Или в село?! И опять встал. Сердце колотится так бойко, что – вон из груди! Наложил руку, чтоб не выпрыгнуло. Колени, как листочки на ветру, дрожат.

Да вдруг! «Что это?! Упало сверху что? Да как шмякнуло! Ещё и ещё. Монеты сверху кто кидает? По темноте не видно». Расплющил ладонь – шмяк! Тронул – вода?!

«Неужто? Дождь?! Батюшки родные! Мать Честна!»

И верно. Как грянул гром, да ливануло что из ведра впрямь! Словно глазом моргнуть, сынишка старосты от маковки до пят – будто из реки вынутый. Побежал счастливый в поселение. А народ от радости уж на улицы высыпал – пляшет посреди ночи, ликует, голосит, ненасытится... Тут чадце старостино вбегает. Толпа ему: «Годи! Пошто верёвку бросил без глаза?» Он в ноги. Мол, так и так: «Повис! Тут и полило!»

Земляки быстро связь перекинули между верёвкой и дождём и на утро приготовились идти гуртом в поле, к Чуду.

Едва солнышко выглянуло – сельчане при праздничных рубашках, в сапогах с голенищами, салом натёртых, выступают. Звали батюшку, но тот ответил отказом. Не обиделись, а только посмеялись. Гармонь с собой прихватили. Вышли за околицу – песни заорали.

Идут словно на свадьбу. Подошли. Встали кругом. Старшой и «мужик уважаемый», в белой рубашке с красной рюшкой да кушаком, выступил вперёд, бабам подмигивая. Все зычно ему: «Давай, Фёдор! Тяни! Опрокидывай небо!»

Взялся мозолистыми ручищами – и раз! Отошел. Ливануло! С полчасца дождь шумел, дюже добро пролил...

С той поры привыкли сельчане к верёвке. Как дождя или снегу просить? Подходи – дёргай! Никому отказа нету. Все на верёвке мозоли натёрли, окромя старичка да батюшки. Полить огород? Приходи к верёвке. Посушить когда? Солнца ясного? На, тронь жилу!

Всё бы так хорошо, да одна оказия – невпопад. Тут тебе в аккурат влаги, а сосед в поле работать

выходит. По дождю неловко трудиться. Вот и обижаются начали сельчане. Одним дождь подавай, другим – солнце. А мальчонки раз, посреди июля, снегопад сдёрнули – на салазках покататься. Пори их опосля того, не пори – гектар заморозили...

Вышла, такой стороной, от верёвки распря великая! Каждый от Чуда своего желает. Так и ходят, так и дёргают. С каким помыслом подойдёшь, с того и получи.

Завраждавались две старухи, зазавидовались. Одна тайком в поле к верёвке граду просить, дабы соседский урожай побить, с помыслом жестоким: «Пушай и мой достаток погибнет, но змеюге той не зарадоваться!» Дорвалась, сердечная! И верно – незарадовалась с соседкою, а вместе с ними и всё село. Град, аж с куриное яйцо, весь урожай побил. Крыши поломал, а где и наскрозь избёнки просёк.

Почесали затылки мужики. Что тут делать? Всякий сельчанин уже страсть к верёвке возымел. Так и глядит в поле на жилу, так и смотрит, как опередить и для себя воды потребовать. Однако же тянет один, а мокнут все.

Про речку и колодцы давно забыли. Уж не то что для скотины или посадкам воды, а и для самовара – и то к верёвке тянутся. И вот тебе разница и раздор на селе: одни чайком затягиваются, а другие в дождливой жиже углебаются.

Мыслили пользу великую от верёвки иметь, да поначалу так и было, а вот теперь, когда всякий по похотям дёргает, – разор и беда, и разруха, и смятение, и междуособица неслыханные.

Верёвку уж всю измызгали, измозолили, изнурили, а изможде-ние селу не уменьшилось – только прибавилось. Соседние деревни

посмеиваются, а может, и завидуют, ведь, поди, хотя и по-худому выходит, а всё-таки чудеса подобные не при каждом дворе изыскиваются...

И вот раз, уже под яблочный Спас, пошел «мужик уважаемый» Фёдор для скотины воды сдёрнуть...

Вышел только за калитку, а сосед напротив, что раненый с войны вернулся, тут же намерение его угадал, потому как самому не дождя, а впротиву того – солнца желалось. Долго не думая, заковылял за Фёдором. Тот шагу прибавит, и раненый такожде. Фёдор припустит – и раненый за ним, только ковыляет скоррише.

Захватила их побег бабка и за родными припустила; ей в снегу для погреба потребность вдруг случилась неслыханная.

Бабку ту хозяйка, корову доившая, заметила. Она в аккурат детишек из школы поджидала, и сильно ей противуречилось, потому как, если за дождём бабка побежала, чтобы ливень сыночков не замочил...

За хозяйкою тою другая потянулась, а за нею третья.

Глядь: четверо мужиков возля магазина стояли и, узрев неладное в побеге бабьем, по той же дороге за ними поторопились.

Через окно староста увидел – и жену, что в доме была, окликнул: «Кабы худа не вышло, Прасковья!» И уж на ходу – к верёвке, руки в рукава пиджаковы вдевает. Прасковья от печи восклонила: «Кудай-то мой?»

И свекровь кликнув, за мужем пошла...

Остальные сельчане из домов высыпали, потому как за верёвку испугались: «Неужто кто украсть деет? Почто всё село спасать побежало?» И топ-топ в поле...

Фёдор с раненым уж бегут; бабки ещё поспешают, а последние токмо шагом вознамериваются. Но вот уже как к верёвке близко, так тогда всё село чуть не с криком побегло...

Фёдор верёвку схватил. Тут и раненый глядь. Оба к себе тянут, орут, друг друга пинают, ругаются. Бабка с бабами подоспела – за верёвку такожде... Вцепились. Визжат, тянут. Моченьки нету! Глядишь, мужики подбежали. По головам идут, свистят, гикают, за жилу хватаются...

Вот и всё село слетелось: кричат, бьются, друг друга локтями отталкивают, давят, клянут, наваливают, орут – спасу нет!

Тут тебе и дождь хлынул, и пурга заваяла, и солнце зажгло, как из печки! По правде сказать, вся община на верёвке повисла... Да вдруг и лопнуло наверху за облаком... И полетел из тучи конец верёвки на землю, сельчанам на морды.

Оборвали!...

Стихли вдруг, и бабы и мужики. Только друг на друга странно озираются да глазами хлопают. Маненько снегом веет на солнцепёке, а так погода тихая сразу установилась. И вот посреди этой тишины недоуменной и посреди их всех, на землю повалившихся, выступает наш старичок, что «по волюшке», и такие речи говорит: «Где бы вам совет Христов не слушати и стариков, убелённых сединами, презирать? Не теперь ли мне, грешному, обременить вас мудрым советом, когда вы от страстной воли своей свободу возымели?...»

Оглядел он тут сердешных. Никто не останавливал...

– Всё ропотом горделивым вы Бога прогневляли и засуху терпеть не желали. По своей волюшке от

Неба требовали, о смирении позабыв. Что ж пришло, когда Владыко вам угодное сотворил?

Пошло прахом хозяйство, оттого что воли единой, воли Божией между людьми не было. Когда бы все едины, исправилась – тогда мир, и добро, и достаток великий! А когда же каждый за себя – тут разор, и от достатка доброго, и от полушки щедрой – избежание.

Эта верёвка вожжой для сельчан сделалась, и впряглись вы в неё сами по доброй волюшке, и себя сами своею же страстью загнали. Когда бы признали волю Божию с неба – вот тутошнею, сердечною своею волею – больше добра тогда нам было! Вы тогда под единым небом как под Единым Богом ходили бы... А вот теперь, знаете, чем для нас эта жила с облака явилась?

И учителем явилась, и врачевателем, потому как верёвка сия страсть и алчность в нас обнаружила, и не то, что мы небо на землю тащили... Нет, не то. А то, что верёвка мудрая, село наше, значитца, на Небо тянула... И то значитца, что в верёвке той мы, ноня воспалившись страстью, страсть свою оборвали. А посему врачеванию и учению Божию таперича счастливое завершение обретаецца...»

Сказав так, старичок перекрестился, воздохнул и пошел прочь. Сельчане же долго сидели и верёвку в руках держали и на оборванный конец дивились.

А пуще же дивились на то, что по сих словах мудреца простенького в душах их удивительная жила к Богу протянулась, прочнее которой уж никакой силы на Земле не было и оборваться которой во век уж никогда не было возможно, подобно чудной сей верёвке или этому... рассказу.